

Коме правда - 1989 - 26 мая

Сцена опустела

Говорят, Георгий Александрович Товстоногов умер в машине — остановилось сердце. Горький символ. Всю свою жизнь он был в движении — человеческом, творческом, нравственном.

Он был патриархом и совестью нашего театра. Более тридцати лет он возглавлял Ленинградский академический Большой драматический театр имени М. Горького. Народный артист СССР, он был профессором, доктором искусствоведения, заведующим кафедрой режиссуры и актерского мастерства. Удостоен звания Героя Социалистического Труда, награжден тремя орденами Ленина и орденом Трудового Красного Знамени. Его творческие заслуги отмечены Ленинской и Государственными премиями СССР, Государственной премией РСФСР имени К. С. Станиславского. Но не только и не столько почетными званиями и наградами определялись уважение и авторитет, которыми пользовалось имя Георгия Александровича у людей театра, у ленинградцев и москвичей, у его зрителей, у всех, кому дорога наша культура, а тем, что он никогда не обременил себя ни человеческой, ни политической ложью...

«Оптимистическая трагедия» и «Мещане», «Варвары», «Гибель эскадры» и «Горе от ума», «Три мешка сорной пшеницы» и «Поднятая целина» — каждый его спектакль

был событием общественной жизни.

Ему в равной мере были подвластны элитность и жесткое, почти натуралистическое бытоподобие, лирическая и поэтическая стихии сцены. В его спектаклях вольно и уверенно чувствовали себя актеры, он доверял им и «растворялся в них». Т. Доронина в «Варварах» и «Идиоте», И. Смоктуновский в «Идиоте», К. Лавров, Э. Попова в «Мещанах», Е. Лебедев в «Холстомере» — эти и многие, многие другие актерские работы в его спектаклях уже стали легендарными.

Недавно по телевидению был показан спектакль «Балалайки и К», который много лет назад Георгий Александрович поставил на сцене «Современника». Мне выпало счастье присутствовать на репетициях этого спектакля. И впечатление от обаяния ума, аристократизма, энциклопедической образованности и внутренней силы этого человека неизгладимо. Важно и другое — это были годы, когда «застой» уже начал распространять свою леденящую атмосферу, и Георгий Александрович для постановки выбрал роман Салтыкова-Щедрина — он чувствовал и предостерегал об опасности «годить» и угождать...

Остановилось сердце. Но творчество, мысль мастера в движении.

П. КУЗЬМЕНКО.